

УДК 882 (09)
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6 – 8 Есенин

С.Н. Пяткин
доктор филологических наук, профессор
(Арзамас)

СТИХОТВОРЕНИЕ С.А. ЕСЕНИНА «ПУШКИН»: МИФОТВОРЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В статье предлагается анализ мифотворческого контекста стихотворения Есенина «Пушкин» (1924). Указывается на национально-религиозные коннотации образа Пушкина у Есенина и его особый статус в творческой судьбе новейшего поэта.

Ключевые слова: Есенин, Пушкин, стихотворение, юбилей, мифотворчество, ритуал, таинство, национальная культура

125-летие со дня рождения А.С. Пушкина стало первым пушкинским юбилеем, официально отмеченным в послереволюционное десятилетие. Содержание этого праздника, исподволь опирающееся на традиции юбилейных торжеств 1899 года, как ритуального действия, должно было ясно обозначить акценты в культурно-исторической роли Пушкина, что соответствовало бы приоритетным задачам масштабной перестройки общественного сознания.

Непосредственно главному событию юбилейных торжеств у памятника Пушкину в Москве, названному в духе времени – *митингом*, предшествовало несколько самых различных по своим формам мероприятий, логически подготавливающих это событие. И одним из таких мероприятий, на котором необходимо подробно остановиться, стало анкетирование, проводимое редакционными коллегами ряда журналов среди писателей, критиков и историков литературы. Эта форма, как бы мы сказали сейчас, выборочного опроса общественного мнения, наглядно продемонстрировала не только отношение к Пушкину деятелей культуры 20-х годов, но и через это отношение стала не менее наглядным свидетельством противоречивых взглядов на состояние современного литературного процесса в исторический период тотального утверждения нового государственного строя.

Так, в ответах многих респондентов в том или ином качестве получает свое продолжение (а в определенной степени и завершение) блоковский мотив «наступающего мрака» (статья «О назначении

поэта»), в целом составляющий пафос неюбилейного торжественного собрания в Доме литераторов 13 февраля 1921 года [см. подроб.: 9]. Однако если у Блока этот «наступающий мрак» является трагическим предвестием катастрофы всей русской культуры, то у их, скажем так, последователей становится метафорой в определении кризисного состояния современной литературы, преодоление которого единодушно связывается с именем Пушкина. Только Пушкин по преимуществу осознается как олицетворение «здоровой» художественной эстетики, в отличие от многих «нынешних» поэтов, уставших «от крикливых раздутых школок с их пустозвонной риторикой» [2, 38].

Там же, где респонденты вплотную подходят к оценке идейно-художественного содержания пушкинского творчества в контексте современности, на фоне осторожных суждений М. Гершензона, Н.°Гудзия, П. Сакулина четко в своей идеологической категоричности звучат следующие заявления:

П. Коган: «Возьмем у Пушкина его грезу о человеке, но осуществим её “нашими” путями» [2, 38].

В. Львов-Рогачевский: «Ныне “отведать им (современным поэтам – С.П.) дано”, выражаясь словами пролетарского поэта Ильи Садофьева,

“Пьяно ли в пушкинском стакане
Индустриальное вино”» [2, 39].

Дм. Фурманов: «Пушкин не умрет, не пропадет со сцены. Часть произведений, видимо, отойдет в тень, но крупнейшие останутся перлами литературы, только марксистская критика углубленно их проанализирует и поставит на должное место в общем историческом процессе» [6, 20].

В целом, Пушкин практически во всех ответах анкет предстает в качестве идеи, объединяющей современных художников слова. Вот только идея эта преимущественно не имеет ничего общего с сакральной, по Блоку, «тайной свободой», поскольку, собственно говоря, здесь уже и не свобода, и тем более не тайная. По сути дела, Пушкин реанимируется в идеологическом пространстве нового культурного сознания, где признание эстетико-художественного совершенства его поэзии жестко ограничивается условием «наших», марксистских, классовых истолкований и прочтений. Соответственно и современная литература должна стремиться к такому же совершенству, но в тех границах, что определены классовой идеей марксистско-ленинского учения.

Особняком в ответах на «пушкинские анкеты» журналов «Всемирная иллюстрация» и «Книга о книгах» стоят ответы С.°Клычкова и С. Есенина.

Восприятие Клычковым Пушкина как образа «утешения, успокоения и надежды» явственно перекликается с лирическим представлением Пушкина в предсмертном стихотворении А. Блока. И это, на наш взгляд, не единственная перекличка. Именуя современное состояние литературы временем «поэтического *астенизма*», Клычков тем самым, думается, вполне сознательно духовное содержание национальной культуры связывает с этико-художественными основами пушкинского творчества, которые если и не востребованы словесным искусством в настоящий момент, то это, по убеждению Клычкова, «будет завтра» [6, 38].

Есенин в своих ответах на анкету «К Пушкинскому юбилею», как и С. Клычков, не ограничивает присутствия Пушкина в современности сферой эстетики словесного творчества. «Пушкин – самый любимый мной поэт, – сообщает Есенин. – С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу» [3, V, 225].

Сама формула – «гений страны, в которой я живу» – несколькими днями позже отзовется в эмоционально-образном строе почти одического зачина стихотворения «Пушкину»: «Мечтая о могучем даре // Того, кто русской стал судьбой». Да и есенинскую анкету в целом можно рассматривать в качестве своеобразного пролога и к этому стихотворению, и к творчеству поэта последних полутора лет жизни. По сути дела, уже в анкете определены основные направления творческих исканий Есенина 1924-1925 годов, немислимые, о чем говорилось еще в прижизненной критике о поэте, без пушкинского имени:

– стремление к пушкинской простоте и гармоничности стиля («*только сейчас мы начинаем осознать стиль его словесной походки*»);

– тяготение к художественным принципам пушкинского историзма (это есть «*общее осознание истории*»);

– проверка своего таланта гением Пушкина («*почти Пушкина – это уже нужно иметь талант*» [3, V, 225]).

Мифотворческие интенции, проступающие в есенинской анкете (характеристика пушкинского влияния как особой творческой энергии, доступной лишь избранным; попытки эстетико-творческой абсолютизации Пушкина), задают такую проекцию образа Пушкина, где оказываются несостоятельными любые идеологические доктрины

не только в отношении Пушкина, но и всего искусства. По Есенину, подлинность высокого звания поэта прямо зависит от его способности разгадать сокровенную тайну пушкинского гения. Только в этой разгадке Есенина отразилось не предсмертное трагическое озарение, как у Блока, а стремление к собственному духовно-творческому перестроению, к поиску того предела и в себе самом, и в онтологии национальной культуры, где судьба поэта Есенина станет «русской судьбой». Таким актом перестроения, на наш взгляд, и явилось стихотворение «Пушкину», прочитанное автором у памятника великому поэту в Москве во время юбилейного митинга, 6 июня 1924 года. Приведем текст этого произведения полностью.

Пушкину

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.
Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.
Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.
А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе –
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.
Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть [3, I, 245].

Стихотворение начинается с коннотаций, связанных с именем Пушкина в русской культуре. И «могучий дар», и «русская судьба» являются классическими определениями, имеющими самую устойчивую связь с гением Пушкина в национальном самосознании. Однако у Есенина эти коннотации «звучат» по-особому, поскольку в тексте они не автономны по отношению друг к другу, что, в общем-то, было бы вполне закономерным, а находятся между собой в соподчинительной связи. Логика начальной поэтической мысли

стихотворения допускает существование «могучего дара» и вне «русской судьбы». Для Есенина сакральная значимость Пушкина в том и заключается, что он – Пушкин – являет собой нерасторжимое единство поэтического дарования и высокого жизненного призвания русского народа. В этом проступает чисто есенинская черта, как авторское открытие в осмыслении, казалось бы, уже «узаконенного» тождества Пушкина и русской культуры. Согласимся, что, даже при самых широких толкованиях «тайной свободы» как знака феноменальной исключительности Пушкина в предсмертных произведениях Блока, у Есенина поэтическая «формула» гения Пушкина заключает в себе более точное и в определенной степени традиционное представление о самой *идее Пушкина как национального поэта*.

На фоне подавляющего большинства поэтических посвящений, что были обращены к Пушкину в юбилейные дни 1924 года, такая идея, выраженная в художественно лаконичной форме, звучала как откровение и вместе с тем как напоминание о пророческих словах, сказанных о Пушкине Гоголем и Достоевским.

Смысл многих тогда и печатных, и устных выступлений был объединен темой «Пушкин и современность». И, позволим себе немного сыронизировать, общими усилиями Пушкину находилось место в обновленном мире то «соредактором по Лefу», оставившим «ямб картавый» (В. Маяковский), то прошедшим некую ступень к «стоянию» за «власть Советов» (Д. Бедный), то в качестве воздуха, растворенного в «ярости», «разладе» и «хаосе» современности (М.°Зенкевич).

Есенин, образно говоря, идет совершенно иной дорогой: он стремится открыть, найти себя в Пушкине, чтобы трезво и ясно осознать свое творческое призвание в собственном времени. Поэтому Есенин стремится не просто надеть пушкинский образ конкретными портретными чертами, но и сами эти черты вывести за рамки возможных в данном случае устойчивых ассоциаций. И подобное приводит к тому, что есенинский Пушкин – «блондинистый, почти белесый», – становится двойником автора: в ракурсе мифологической проекции оказываются отождествленными судьбы поэтов: «О°Александр! Ты был повеса, // Как я сегодня хулиган».

Есенинское «ты был», «как я сегодня», дерзко обращенное к Пушкину, безусловно, предполагает и – не менее дерзко – то, что «я буду, как ты сейчас»: «Чтоб и мое степное пенье // Сумело бронзой прозвенеть».

Мифотворчество Есенина, определяя антитетичную дихотомию пушкинской судьбы «повеса – могучий дар», имплицитно утверждает

С.Н. Пяткин

наличие в жизни поэта очень важного внутреннего барьера, преодоление которого и служит залогом величия поэтического гения и его всенародного признания. Есенинское мифотворчество сродни обряду очищения, да и эмоционально воплощается в стихотворении как ритуальный, очистительный акт:

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе –
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

Исследователь Л.А. Киселева, комментируя эту строфу, отмечает сакральный оттенок значения глагола «сподобиться»: «Человек есть “образ Божий”, но “подобия” ему следует достичь, стяжать это подобие великим нравственным усилием, с одной стороны, – и действием Божественной благодати – с другой... В тексте использована форма пассивная (страдательное причастие), т.е. акцентируется именно внешнее вмешательство (не “сподобившись”, а “сподобленный” кем-то). Это создает тревожное ощущение жертвенной готовности подвергнуться воздействию неведомой силы»^о[5, 69]. В перспективе этого суждения примечательна и одна подробность в воспоминаниях М. Бабенчикова о чтении Есениным стихотворения «Пушкину» 6 июня 1924 года: «В последние встречи мои с Есениным он выглядел необыкновенно приподнятым и возбужденным. Таким он запомнился мне на пушкинских торжествах, когда, прочтя свое стихотворное обращение к великому поэту, стоял у самого подножия пушкинского памятника. Возбуждение еще не покинуло его. Глаза лихорадочно блестели. Улыбнувшись мне своей прежней сияющей есенинской улыбкой, он сказал: “Камни души скинаю”» [4, 466].

Религиозно-культурное отношение Есенина к Пушкину как одна из самых важных черт есенинского мифотворчества, проявившаяся в стихотворном посвящении поэта, прямо корреспондируется с отличительной приметой юбилейного чествования Пушкина в России конца XIX века. Ф.И. Буслаев, свидетель торжеств по поводу открытия пушкинского памятника в Москве, отмечал: «Какому-то внутреннему богу молились все на этом празднике, и Пушкин нужен был некоторою своею величавостью, чтобы служить только образом, только подобием этого бога» [1, 146]. М.Ч. Левит, современный автор специального исследования об этом пушкинском празднике 1880 года, в своей работе особо подчеркивал, что «торжества задели самые сокровенные, глубоко скрытые струны культурного сознания, родственные тем,

которые приходят в действие на Пасху, являющуюся главным русским религиозным праздником» [7, 138].

Религиозная сакральность пушкинского образа у Есенина, на наш взгляд, задана первыми строками его стихотворения, где сама форма прямого неназывания объекта обращения («того // Кто»), интонационно-ритмически подчеркнутая строчным переносом, родственна часто встречающимся схожим формам именованию Бога в текстах духовно-религиозного содержания. И речь здесь должна идти не о табуировании имени Высшей, надличностной силы, что свойственно, например, языческим культам, а о функциональном замещении имени его предикатом, вследствие чего достигается эффект (если брать в расчет только эстетико-художественный план подобных форм) абсолютного могущества Бога, его незримо и тайного присутствия в делах и помыслах каждого человека.

Тайна присутствия божественного начала в мире сопрягается с таинством его обретения. В есенинском стихотворении суть такого таинства отчетливо выражена в предпоследней, кульминационной, строфе, где состояние «я» текста уподобляется светлому и радостному ожиданию евхаристии, ритуальное назначение которой заключается в том, что приобщающийся Святым Дарам (Плоти и Крови Господней) входит в теснейшее духовное общение с Богом – «Ядущий меня жить будет Мною» (Ин. 6, 57). Причем, что важно отметить, сравнение у Есенина не только знак уподобления, но и знак осознаваемой границы лирическим «я» между священнодейственным обретением Пушкина как совершенного явления русской культуры и священным таинством христианской церкви. Данное сближение призвано усилить само качество духовного обновления и очищения лирического «я» поэта, что сродни назначению причастия для христианина, но не заменить и, тем более, не отменить этого таинства.

Этот факт, если, конечно, его считать таковым, чрезвычайно важен для уяснения особенностей мифотворческого сознания Есенина, устремленного ранее к таким художественным моделям мира, где тайна их существования и, соответственно, таинства в их обретении и явно, и скрыто противопоставлялись самому содержанию христианских таинств, в частности, евхаристии («Инония») и исповеди («Исповедь хулигана»).

Стихотворение «Пушкину» наряду с «Инонией» и «Исповедью хулигана», как мы думаем, имеет особый статус в мифотворчестве С.°Есенина. Все они являются теми ритуально-мифологическими текстами, каждый из которых конституирует в творческой эволюции поэта качественно новый, по сравнению с предыдущим, образ

авторского «я», получающий характерное самоименование и определяющий один из этапов творческого развития поэта. Здесь, кстати, нужно сделать существенную оговорку. Если *поэт-пророк* (в «Инонии» и «необиблейском» эпосе Есенина) и *поэт-хулиган* (в «Исповеди хулигана» и цикле «Москва кабацкая») – это в прямом смысле слова авторские самоименования, то относительно есенинского именованья себя Пушкиным нужно говорить в переносном смысле. Впрочем, и такая формулировка не совсем точна. Лучше сказать, что в произведениях второй половины 1924-1925 годов жизнетворческий характер авторского «я» и его принципы художественного моделирования действительности у Есенина таковы, что формула «Есенин – это Пушкин XX века», широко признанная еще прижизненной критикой о поэте, не может восприниматься только в качестве метафоры.

В стихотворении «Пушкину» нет резких деклараций собственного пророчества, эпатажно обращенных к тем, кто продолжает жить в духе вековых религиозных традиций («Говорю вам – вы все погибнете, // Всех задушит вас веры мох» [3, II, 64]). Как нет и декларативной убежденности в своем избранничестве среди людей и нарочито шокирующей позы лирического «я», более чем убедительно демонстрирующих неординарный жизнетворческий потенциал автора («Ну так что ж, что кажусь я циником, // Прицепившим к заднице фонарь!» [3, II, 88]). Наоборот, по верному замечанию А. Марченко, он чувствует себя, «как язычник, отказавшийся от своих идолов и поклонившийся христианскому единому богу» [8, 221]. В юбилейном посвящении «я» Есенина существует только для самого себя, чуждого не только любой позы, что может быть расценена именно как поза, маска, но и любого слова, способного существовать вне «разговора с собой».

Этот «разговор с собой» у Есенина, фокусируя в тексте процесс авторского самоопределения, граничащий с узнаванием своего «я» в пространстве пушкинской и одновременно русской судьбы поэта, контурно обозначает вехи собственной судьбы, обращенной в будущее:

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь,
Чтоб и мое степное пеньё
Сумело бронзой прозвенеть.

В художественном мире Есенина явлена та особая культура сотворения мифа, при которой рождается качественно новое направление творческого развития поэта, а само содержание и жизни, и поэзии подчиняется ритуально рожденному жизнетворческому идеалу.

В культурно-мифологической парадигме стихотворения «Пушкину», в перспективе которого располагается последний этап творчества Есенина, устойчиво именуемый с прижизненной критики о поэте до современных опытов его научного изучения – Пушкинским, житнетворческий идеал Пушкина и ценностные основы христианского мира предстают как органически целостное явление. Здесь, думается, в полной мере обнаруживает себя прямая линия преемственности пушкинского мифа Есенина с сакральной отождествленностью имени Пушкина с духовно-нравственным потенциалом национальной культуры, что отражена в высказываниях писателей «от Гоголя до Цветаевой» и русских философов «от Соловьева до Франка» как «глобального культурного мифа России» [10, 106]. Показательно, что в сборнике лирических произведений Есенина, изданном в 1924 году, один из разделов с симптоматичным названием «После скандалов» начинался именно стихотворением «Пушкину».

Литература

1. Буслаев, Ф.И. Венок на памятник Пушкину: Пушкинские дни в Москве, Петербурге и провинции: Адресы, телеграммы, приветствия, речи, чтения и стихи по поводу открытия памятника Пушкину. Отзывы печати о значении пушкинского торжества. Пушкинская выставка в Москве. Новые данные о Пушкине / Ф.И. Буслаев. – СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1880. – 354 с.
2. Анкета «Пушкин и современность» // Всемирная литература. – 1924. – №4–5. – С. 38–41..
3. Есенин, С.А. Полн. собр. соч.: в 7 т. / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев; ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука; Голос, 1995–2002. – Т. 1. Стихотворения. – 1995. – 672 с.; Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). – 1997. – 464 с.; Т. 5. Проза. – 1997. – 560 с.
4. Жизнь Есенина. Рассказывают современники. – М.: Правда, 1988. – 608 с.
5. Киселева, Л.А. Контуры «пушкинского мифа» в житнетексте Есенина / Л.А. Киселева // Пушкин и Есенин. Есенинский сборник. Новое о Есенине. Вып. 5. – М.: ИМЛИ РАН, 2000. – С. 66–74.
6. Анкета «К Пушкинскому юбилею» // Книга о книгах. – 1924. – №5–6. – С. 18–23.

7. Левитт Маркус Ч. Литература и политика / Левитт Маркус Ч.; Пер. с англ. И.Н.°Владимирова, В.Д. Рака. – СПб.: Академический проект, 1994. – 265 с.

8. Марченко, А. Поэтический мир Есенина / А.М.°Марченко. – 2-е изд., доп. – М.: Сов. писатель, 1989. – 304 с.

9. Пяткин, С.Н. «И родной для сердца звук...». О «пушкинском тексте» А. Блока / С.Н. Пяткин // Духовная традиция в русской литературе. Сб. научн. ст. / Научн. ред., сост. Г.В.°Мосалева. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – С. 340-354.

10. Шатин, Ю.В. Исторический нарратив и мифология XX века / Ю.В. Шатин // Критика и семиотика. – Вып. 5. – Новосибирск: НГУ, 2002. – С. 100–108.

YESENIN'S POEM “PUSHKIN”:
MYTH-CREATING CONTEXT

Sergey Pyatkin

Abstract

The article presents an analysis of the context of mythological poems Yesenin “Pushkin” (1924). It points to the national and religious connotations of Pushkin's image Yesenin and his special status in the creative destiny of modern poet.

Key words: Yesenin, Pushkin, poem, anniversary, myth creation, the ritual, the sacrament of the church, national culture